

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-141-147>
УДК 821.161.1.09"19"

Городилова Наталья Ивановна
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: ОТ АВТОРА К ГЕРОЮ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102

В статье анализируется эпическая природа романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Художественный замысел, посвященный кризисной эпохе 1870-х гг. как важнейшей вехе русской истории, широкий охват современных автору событий, изображение представителей разных сословий свидетельствуют о масштабе творческой задачи. В статье рассматривается своеобразие эпического повествования у Толстого, которое определяется во многом выбором главного героя. Наделенный чутким сердцем и беспокойной совестью, ищущий свое истинное предназначение, он всегда проходит один путь: от эгоцентризма к народному пониманию жизни, осознанию себя как части общей «роевой» жизни. Николенька Иртенев, Дмитрий Нехлюдов, Пьер Безухов являются сложным отражением самого Толстого на определенных этапах его духовной биографии. В галерее толстовских героев Константин Левин занимает особое место, поскольку отражает состояние писателя, стоящего на пороге серьезного мировоззренческого переворота. В статье осмысление биографического и художественного начал в образе Константина Левина дано в контексте эпистолярных и мемуарных источников. История Левина с его мучительным поиском смысла жизни, религиозными сомнениями воплотила сокровенные мысли автора, неоднократно высказанные им в письмах к Н.Н. Страхову. В судьбе Левина раскрывается не только важнейшая страница биографии Толстого, но намечается судьба человека переходного времени, тесно связанная с жизнью страны.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, эпический роман, художественный замысел, герой, автор, публицистика, автобиографизм, эпистолярное наследие.

Информация об авторе: Городилова Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия.

E-mail: natromanova2007@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29.06.2020.

Для цитирования: Городилова Н.И. Особенности эпического повествования в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: от автора к герою // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 141-147. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-141-147>.

Natal'ya I. Gorodilova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

FEATURES OF THE EPIC NARRATIVE IN THE NOVEL «ANNA KARENINA» BY LEO TOLSTOY: FROM AUTHOR TO HERO

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102

The article is devoted to the analysis of the epic nature of the novel «Anna Karenina» by Leo Tolstoy. Artistic concept dedicated to the crisis era of the 1870s as the most important milestone in Russian history, the wide coverage of the events contemporary for the author, the depiction of representatives of different estates - testify to the scale of the creative task. The article examines the originality of Leo Tolstoy's epic narrative, which is largely determined by the choice of the protagonist. Endowed with a sensitive heart and a troubled conscience, seeking his true destiny, such a man always goes the same path – from egocentrism to understanding of folkish life, realising himself as part of a common «swarm» life. Nikolenka Irteniev, Dmitri Nekhlyudov, Pierre Bezukhov are a complex reflection of Leo Tolstoy himself, each at a certain stage in his spiritual biography. In the gallery of Leo Tolstoy's heroes, Konstantin Lyovin occupies a special place, since he reflects a writer who is on the verge of a serious worldview revolution. Understanding the biographical and artistic principles in the image of Konstantin Lyovin is given in the context of epistolary and memoir sources in the article. The story of Konstantin Lyovin with his uneasy search for the meaning of life, with religious doubts, embodied the author's innermost thoughts repeatedly expressed by him in letters to Nikolay Strakhov. Not only the most important page of Leo Tolstoy's biography is revealed in the fate of Konstantin Lyovin, but the fate of a person of transition time closely related to the life of the country, is planned.

Keywords: Leo Tolstoy, epic novel, artistic plan, hero, author, journalism, autobiography, epistolary heritage.

Information about the author: Natal'ya I. Gorodilova, Candidate of Philological Sciences, senior researcher, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: natromanova2007@yandex.ru

Article received: June 29, 2020.

For citation: Gorodilova N.I. Features of the epic narrative in the novel «Anna Karenina» by Leo Tolstoy: from author to hero. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 141-147 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-141-147>.

«Анна Каренина» занимает особое место в творческой биографии Л.Н. Толстого: созданная в трудный для писателя период религиозно-нравственных исканий, она стоит в преддверии «Исповеди», знаменуя собой важнейшую веху в эволюции автора. Кроме того, роман воплощает и новые художественные принципы, осмысленные в период сближения с творчеством Пушкина и во время плодотворной работы над «Азбукой», для создания которой писатель много изучал греческих классиков и русскую народную поэзию. Исследователи справедливо обращали внимание на своеобразие композиции романа, единство которой определяет не сюжет и встреча героев, а авторская мысль; строгую объективность рассказа наблюдающего со стороны автора, что было так не характерно для Толстого; отсутствие избыточного психологического анализа; поэтический рисунок прозы. При этом «Анна Каренина» обладает выраженной эпической природой, которая составляет отличительную черту романного творчества писателя в целом.

Отсутствие в «Анне Карениной» широкого исторического охвата событий, характерного для «Войны и мира», ввело многих современников Толстого, как простых читателей, так и профессиональных критиков, в заблуждение относительно замысла и, соответственно, жанра произведения: события современной автору эпохи запечатлели важнейший период в русской истории – кризисную эпоху 1870-х гг. Роман насыщен разнообразными событиями и актуальными вопросами своего времени (современное искусство, воспитание и образование, естествознание, всеобщая воинская повинность, добровольческое движение, рабочий вопрос, спиритизм и многое другое); он отражает умственные интересы и духовные запросы людей самых разных социальных групп, неслучайно Э.Г. Бабаев назвал «Анну Каренину» «энциклопедическим романом» [Бабаев: 418]. Но пропитанный духом своей эпохи, он, однако, не становится простой хроникой событий, а вырастает в крупное эпическое полотно, в котором современность получает глубокое философское осмысление. В изображении двух центральных героев – Анны Карениной и Константина Левина – отражается не просто жизнь частного человека с его взлетами и падениями, но именно судьба человека переходного времени, тесно связанная с жизнью страны. И роман, казалось бы, посвященный семейной, любовной теме, превратился в роман «общечеловеческого значения» [Бабаев: 419], ставший художественным документом целой эпохи.

Специфика эпического повествования у Толстого во многом определяется выбором главного героя. Это всегда человек, наделенный чутким сердцем и беспокойной совестью, борющийся со своими недостатками, сомневающийся в верности избранного жизненного пути и ищущий свое ис-

тинное предназначение. Путь толстовского героя всегда один: от эгоцентризма, видения мира со своей точки зрения, обусловленной как личными чертами, так и сословными предрассудками, к народному пониманию жизни, подразумевающему отказ от индивидуализма и осознания себя частью общей «роевой» жизни. Такой герой неслучайно возникает в произведениях писателя: он является сложным отражением самого Толстого, с юных лет находящегося в беспрерывном поиске правды.

В каждом крупном произведении Толстого есть герой, духовно ему близкий, проливающий свет на внутреннюю, порой скрытую от посторонних глаз жизнь автора в тот или иной период времени. Николенька Иртенев, Дмитрий Нехлюдов, Пьер Безухов – субъективная природа этих образов не раз была отмечена специалистами – отразили размышления и переживания Толстого на определенных этапах его духовной биографии. Особое место в этом образном ряду занимает герой «Анны Карениной»: Толстой, создавший Константина Левина, стоял на пороге серьезного мировоззренческого переворота и был как никогда близок к приятию народного миропонимания. Осмысление биографического и художественного начал в образе Константина Левина помогает не только понять путь самого Толстого, сколько увидеть своеобразие эпического повествовательного рисунка его романного мира.

«В изображение Константина Левина Толстой внес много черт собственной личности <...>» [Саводник: 377]. Отсутствие искусственности в мыслях и поступках, непосредственность, честность, неумение притворяться, любовь к деревенской жизни с ее трудовой деятельностью, отношениями с крестьянами и повседневными трудами земледельца, неприятие городской действительности с суестью и мелочными заботами, напряженные духовные искания, углубленное самонаблюдение, постоянное нравственное развитие, склонность к увлечениям, часто сменяемым одно другим, перемена мыслей и настроений, самостоятельный взгляд на мир и людей, не совпадающий часто с общепринятыми нормами – все эти черты роднят героя и его создателя. Своим родным и знакомым Левин казался странным чудачком: он приезжал в Москву «большую часть с совершенно новым, неожиданным взглядом на вещи» [Толстой 1970: 21], нигде не служил, вел «дикую какую-то жизнь в деревне, с занятиями скотиной и мужикам» [Толстой 1970: 43], будучи зрелым, сохранил свежесть восприятия, не умея скрывать своих чувств и страдая от детской застенчивости, нередко проявлял «неловкость в свете» [Толстой 1970: 43]. Не меньшими странностями на протяжении всей своей жизни отличался и Толстой, плохо вписывавшийся в привычные рамки жизни своего круга. Об этом сохранилось множество свидетельств в мемуарно-автобиографических источниках. Так, в вос-

поминаниях С.А. Берса приводится свидетельство тетки писателя П.И. Юшковой: «<...> в детстве он был очень шаловлив, а отроком отличался странностью, а иногда и неожиданностью поступков, живостью характера и прекрасным сердцем» [Апостолов: 25]. Интересные воспоминания оставил Н.П. Загоскин: несмотря на то, что юный Толстой посещал все казанские балы и вечера, «в нем всегда наблюдали какую-то странную угловатость, застенчивость» [Апостолов: 30].

«Новые» фазы Левина, о которых с добродушным юмором говорил Облонский, были знакомы и его создателю. Прежде чем стать писателем, он прошел довольно продолжительный путь исканий – себя и своего места в жизни. Оставив Казанский университет, Толстой поселился в Ясной Поляне и страстно увлекся хозяйством, в котором вскоре, однако, разочаровался. Неопределенность его положения отражается в постоянных перемещениях между Москвой, Тулой и Петербургом и в частой смене разнообразных замыслов: то он желает определиться на службу – гражданскую или военную, то хочет сдать кандидатские экзамены в Петербургском университете, ставит громадную задачу по самообразованию. Все эти проекты перемежаются самыми разнообразными увлечениями: Толстой с головой погружается в светскую жизнь с карточной игрой, долгами, цыганским пением, кутежами, любовными переживаниями. В это время зарождается его страсть к охоте, увлечение гимнастикой, к этому периоду относится и создание первой школы для народа, и серьезные занятия музыкой, и бесконечное чтение самых разнообразных книг.

Неординарность восприятия, парадоксальность мышления ярко проявились в петербургский период жизни Толстого, когда он приехал в столицу после Севастополя и стал вхож в круг писателей. А.А. Фет вспоминал: «С первой минуты я заметил в молодом Толстом невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений» [Апостолов: 72]. В.П. Боткин отмечал: «<...> ум его находится в каком-то хаосе представлений <...> в нем еще не выработалось определенного воззрения на жизнь и дела мира сего. От этого так меняются его убеждения, так падок он на крайности» [Островский: 165]. И.А. Гончаров напоминал Толстому о его спорах с литераторами, близкими «Современнику», которые негодовали за его «своеобразные мнения и взгляды на них» [Гусев 1855–1869: 6].

Безусловно, от Толстого в Левине и его инстинктивная любовь к простым людям, к крестьянам, восхищение их трудолюбием. Описание косябы героя с крестьянами — это впечатления самого Толстого, который в 1870 г. по целым дням работал на покосе вместе с яснополянскими крестьянами. В письме к С.С. Урусову он признавался: «Я теперь вот уже 6-ой день кошу траву с мужиками по це-

лым дням и не могу вам описать – не удовольствие, но счастье, которое я при этом испытываю» [Толстой Юб. 61: 237].

Реконструкция биографического пласта, послужившего материалом для образа Левина, имеет особую важность для исследователей, поскольку в период создания романа Толстой не вел дневников, являющихся важнейшим источником сведений о писателе, а значит, художественный текст наряду с письмами и свидетельствами очевидцев становится бесценным документом об авторе. Но помимо биографической близости Константин Левин имеет со своим создателем и духовное родство, которое многое открывает для понимания пути Толстого, особенно если учитывать, в какой жизненный период создавался роман. Внутренняя родственность героя и автора помогает понять, в какой «фазе» находился Толстой в 1870-е гг., поскольку известно, что его творческая эволюция тесно связана с этапами духовного развития. Когда Толстой писал «Войну и мир», он был в расцвете своих физических и душевных сил, его господствующим настроением было радостное приятие жизни. «Анна Каренина» создавалась во время значительных сомнений писателя. Н.К. Гудзий был прав, отметив, что «“Война и мир” – апофеоз здоровой, полновзвучной жизни, ее земных радостей и земных чаяний» [Гудзий: 113], а в «Анне Карениной» «господствует настроение напряженной тревоги и глубокого внутреннего смятения» [Гудзий: 114].

Время работы над «Анной Карениной» совпало с серьезным духовным кризисом, который привел Толстого к переосмыслению прежней жизни. Первым законченным произведением после «Анны Карениной» стала «Исповедь» — яркое религиозно-публицистическое произведение, в котором Толстой отказывался от прежней жизни богатого помещика и известного писателя и рассказывал о мучительных религиозных борениях, приведших его к конфликту с Церковью. Обычно в связи с новым мировоззрением Толстого говорят о восьмой части романа, однако понять логику духовного развития Левина, а значит, и Толстого возможно только в контексте всего произведения.

Путь Левина – это во многом путь самого Толстого – от отчаяния к обретению веры. Сюжетную линию Левина, казалось бы, контрастную линии Анны, венчает счастливый финал. Герой осуществил давнюю свою мечту: он женат, у него есть сын, Левин обитает в деревне, занимаясь любимым хозяйством. Толстой после завершения исторической эпопеи так же, как и его герой, живет во внешне благополучной обстановке: он счастливый семьянин, окруженный любимой и любящей женой и детьми, процветающий помещик, всеми признанный писатель, слава которого с годами только растет. Но появляется последняя часть романа, которая многими читателями была воспринята

как неудачная пристройка к художественно завершенному целому, и выясняется, что в идиллическом мире Левина возникает диссонанс настолько серьезный, что он прячет от себя веревку, чтобы не повеситься, и ружье, чтобы не застрелиться.

Удивительно не то, что Толстой заставляет Левина задумываться над главными проблемами бытия (Зачем жить, если все равно придет смерть?) и приводит его к вере. По сути, писатель с юности ставил перед собой вопросы о смысле жизни. Истории его любимых героев всегда одни и те же: сомнения в себе, духовный кризис, поиск своего жизненного предназначения, обретение его. В конце концов, уже был Пьер Безухов и Платон Каратаев. Удивительно другое: Толстой именно в период создания «Анны Карениной» приходит к радикальной переоценке ценностей и намечает путь, которому будет верен до конца жизни. С одной стороны, внутренний кризис Толстого имел вполне объективные корни, в 1870-е гг. обострение социально-экономических противоречий не могло не побуждать к осмыслению себя и своего места в стремительно меняющемся мире. Само время толкало на поиск смысла жизни. Но, с другой стороны, важны и закономерности личного пути писателя. В романе есть знаменательная фраза. Левин, вернувшийся домой после исповеди, вспоминает слова священника, в которых было что-то такое, что нужно уяснить, но, как он думает, «разумеется, не теперь <...> но когда-нибудь после» [Толстой 1970: 373]. Вот это «после» наступило для Толстого именно в 1870-е гг., когда многие роли – помещика, семьянина, педагога, мирового посредника – были уже прожиты и отброшены им как не отвечающие на главный вопрос жизни: зачем я существую?

Понять закономерность пути от «Анны Карениной» к «Исповеди», понять «печать отрицания» [Гудзий: 115], которой пропитан роман, невозможно вне контекста эпистолярно-мемуарных источников. 14 февраля 1870 г. в дневнике С.А. Толстой зафиксировано: «Он сам много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нем происходит страшная работа; что для него все кончено, умирать пора и проч.» [Толстая. Дневники: 495]. В записи от 9 декабря 1870 г.: «Иногда ему кажется, <...> что он сойдет с ума, и страх сумасшествия до того делается силен, что после, когда он мне это рассказывал, на меня находил ужас» [Толстая. Дневники: 498]. Жена и близкие друзья объясняли состояние Толстого усталостью после титанического труда по созданию «Войны и мира», а также мучительным поиском новой творческой работы. Но ведь уже задумана «Азбука», собираются материалы для романа из эпохи Петра, мечтаются о драме. Более того, ощущение мучительного недовольства жизнью продолжается даже в период интенсивной работы над «Анной Карениной»: художественное больше не забирает так, чтобы мож-

но было забыться. 12 октября 1875 г. Софья Андреевна пишет в дневнике: «Унылый, опущенный, сидит без дела, без труда, без энергии, без радости целыми днями и неделями <...>» [Толстая. Дневники: 89]. В письме брату в 1876 г. Толстой жалуется: «<...> ничего более не остается в жизни, как умирать» [Толстой Юб. 62: 248]. О том же и в письме А.А. Фету этого периода: «Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней» [Толстой Юб. 62: 272]. Думается, что прокомментировать тяжелое настроение Толстого, можно словами из «Исповеди»: «<...> со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние» [Толстой Юб. 23: 10].

Представление о том, как преодолевалось уныние, как шел поиск истины, дает переписка Толстого и Н.Н. Страхова, близкого единомышленника писателя в период работы над романом. В этом эпистолярном общении рождалась философия Толстого, отразившаяся и в заключительной части «Анны Карениной», и в «Исповеди».

Страхов становится одним из первых свидетелей того, что круг творческих интересов его знаменитого корреспондента расширяется. В письме от 25 августа 1875 г. Толстой пишет, как ему надоела «Анна Каренина» и как хочется освободить досуг для более забирающих его занятий, но не педагогических [Толстой, Страхов: 215]. В другом письме (от 26 октября 1875 г.) Толстой сообщает, что начал писать что-то, что никогда не издаст и что не разочарует [Толстой, Страхов: 221]. Речь идет о религиозно-философской работе. Толстой, советуя Страхову изложить свое религиозное мировоззрение и мечтая сам осуществить задуманное, объясняет возникший в нем внутренний стимул и «влечением сердца» [Толстой, Страхов: 221], и радостным чувством долга: «Что-нибудь я в 50 лет вынес из жизни общее. Как же мне не попробовать сказать это, как я умею» [Толстой, Страхов: 221].

Между Толстым и Страховым завязывается так называемая «двойная» переписка: письма о текущих делах, повседневных заботах перемежаются серьезными письмами, насыщенными сложными мировоззренческими вопросами. Интенсивное чтение философских и религиозных работ приводит собеседников к полемике на разнообразные темы: что есть жизнь и смерть, каковы границы познания, в чем отличие истинного и ложного знания, почему любовь является основой жизни, что такое зло и т. д.

В ноябре 1875 г. Толстой посылает Страхову предисловие к задуманному философскому сочинению, в котором содержатся важные разъяснения относительно духовного состояния писателя. Спу-

стя два года мысли Толстого вольются в художественную ткань романа и будут переданы Левину. Но и в частном письме он остается тонким и проникновенным художником, высказывая свои думы в ярких, запоминающихся образах. Объясняя путь человека, писатель обращается к понятию «таинственной горы жизни» [Толстой, Страхов: 236]. В молодости человек поднимается в гору, «надеясь найти на ее вершине результат, достойный положенных трудов» [Толстой, Страхов: 236], в зрелости он добирается до вершины и спокойно, довольно обзорекает то, к чему он так стремился. В этот момент и наступает сложный жизненный перелом: достигнув пика восхождения, человек вдруг осознает, что на горе нет того, чего он так долго искал и добивался. Вынужденное движение вниз Толстой называет состоянием старости, в котором материальные желания, больше не удовлетворяя, меркнут и если и появляются, то только «в дурные минуты <...> душевного состояния» [Толстой, Страхов: 236]. Писатель делится чувством ужаса и отчаяния, возникшим перед неизбежными вопросами: что значит прожитая жизнь и что есть ожидающая впереди смерть, одна мысль о которой приводила к пессимистическому выводу о бессмысленности сущего. Но в то же время настойчивый внутренний голос Толстого сопротивлялся признать жизнь «пустой и глупой шуткой» [Толстой, Страхов: 236] и приводил к естественному вопросу: может быть, не жизнь лишена смысла, а, наоборот, смысл ложно понят? Помимо сознания, сопротивляющегося признавать жизнь разумного существа пустой и ложной, против страшного вывода свидетельствовали и наблюдения за старыми людьми, которые, за редким исключением, во все времена спокойно и ясно ждали смерть. И Толстой «стал отыскивать тот взгляд на жизнь, при котором уничтожилась бы кажущаяся бессмыслица жизни» [Толстой, Страхов: 237]. Задуманная им философская работа должна была рассказать, как был обретен тот твердый фундамент, который спасал от отчаяния и страха смерти. Но ни одна из начатых в это время философских работ не была завершена – ответ еще не был ясен Толстому.

В этом же письме он, отвечая на вопрос Страхова: «что я должен делать?» – обращается к объяснению понятий, важнейших для его философии. Писатель различает жизнь личную, для себя, и жизнь общую, не для себя, вне себя. Он определяет путь человека как естественное движение от детства к старости, то есть как «переход из любви к себе... к любви не себя» [Толстой, Страхов: 235] и формулирует достойную цель развития личности, которая заключается в стремлении к тому, чтобы «любить не себя» [Толстой, Страхов: 235].

Но интенсивность мысли, кажущаяся ясность понимания жизни часто сменялись в письмах мыслителя совсем другим настроением. Нередко в его

высказываниях середины 1870-х гг. рядом с бодрыми и, казалось бы, все разъясняющими ответами на сложные вопросы жизни встречались обмолвки, свидетельствующие о сомнениях заблудившегося человека. Отсюда ноты отчаяния, характерные намеки на кажущуюся видимость его благополучия, которые то и дело звучали в высказываниях Толстого. В ноябре 1876 г. он пишет о том, что ему «мучительно» «доживать жизнь без уважения к ней» [Толстой, Страхов: 291]; осенью 1877 г. почти те же мысли и слова: «Мучительно и унижительно жить в совершенной праздности <...>» [Толстой, Страхов: 374], – т.е. жить только для себя, для своих нужд. Страхов не понимал жалоб своего собеседника, списывая их на муки творчества и считая временными: «Вы, прославленный, независимый, окруженный прелестною семьею и уже совершивший дела, которые навсегда останутся великими, – как Вы можете говорить о минутах, когда Ваша жизнь не стоит уважения?» [Толстой, Страхов: 295]. Однако насколько серьезными для самого Толстого были эти жалобы, видно при обращении к тексту романа.

Мучительное состояние Толстого, ищущего ответ на вопрос о смысле жизни, определялось во многом еще и тем, что он чувствовал свое духовное одиночество. Диалог со Страховым был в какой-то степени односторонним: сокровенные мысли писатель таил глубоко внутри себя. Страхов был человеком его круга и уровня образования, с ним можно было обсуждать сложные философские проблемы и научные гипотезы, но как человек сомневающийся, не верящий в свои силы, он шел за Толстым. Не случайно в одном из писем своему корреспонденту критик признавался: «<...> Вы воодушевлены, работаете мыслью и сердцем, чтобы добыть решение или пояснение высших вопросов, я же, как будто усталый и бессильный, только вечно смотрю на эти вопросы, только беспрестанно обращаюсь к ним своею мыслью, почти не ожидая разрешения» [Толстой, Страхов: 223].

Содержание большинства бесед Толстого и Страхова воплотилось в художественном мире произведения, став источником размышлений Левина о религии и науке, о противопоставлении себя как представителя образованного класса народу, об истинном и ложном знании, об идее прогресса.

Заглушаемые первое время женитьбы вопросы: «Что я такое?» и «Зачем я здесь?» с особенной силой зазвучали в душе Левина после смерти брата Николая и настоятельно потребовали ответа, без которого продолжать существование невозможно было даже при внешних благополучных условиях быта. Спасти от отчаяния могла только вера, но веры, настоящей, глубокой, преодолевающей сомнения, а не формальной, он не находил в своем сердце. Воспринятые с детства религиозные взгляды очень рано утратили свое значение под влияни-

ем образования и жизненного опыта. Вера в Бога заменилась верой в науку – этот путь прошли почти все сверстники Левина, люди его круга. Но умные слова, как-то «организм», «материя», «развитие» «были очень хороши для умственных целей», но не для жизни [Толстой 1970: 659]. Об этом же Толстой писал Страхову: «Пусть о рефлексах, туманных пятнах и т.п. тонкостях, тем более удаляющихся от того, что *единое на потребу*, чем более они тонки и точны, пусть о них говорят те, кому есть еще время» [Толстой, Страхов: 221]. Не находит герой разрешения своих сомнений и в философии, которая с помощью «ловушки слов» [Толстой 1970: 661] лишь возводит «искусственную постройку» [Толстой 1970: 661], легко разваливающуюся при соприкосновении с жизнью. В мыслях Левина Толстой воплотил любимую свою идею, касающуюся невозможности ответить на вопросы жизни с помощью разума, которому доступны только борьба за существование и удовлетворение личных желаний. В размышлениях героя о «плутовстве ума» [Толстой 1970: 668] воплощены высказывания Толстого, пишущего Страхову: «<...> зло есть то, что разумно. Убийство, грабеж, наказание, все разумно – основано на логических выводах. Самопожертвование, любовь – бессмысленны» [Толстой, Страхов: 291]. Левин понимает, что знание чего-то такого, что помогает ему жить, несмотря на путаницу мыслей и чувств, заложено внутри него, в его сердце. Это знание неожиданно открылось ему в словах мужика, что жить надо не для себя, а для души, надо Бога помнить. По сути, жизненная позиция Левина строится на противопоставлении двух понятий — жизни для себя, для своего личного счастья и жизни для общего блага. Любуясь молодой семьей крестьянина Ивана Парменова, герой мечтает переменить свою «тягостную» личную жизнь на «общую прелестную жизнь» [Толстой 1970: 236]. Мечта наладить хозяйство на основании новых принципов, при которых будет общее довольство и связь интересов, с его точки зрения, достойная, поскольку здесь дело не личное, а вопрос об общем благе. Беседуя с Кити о брате Сергее, Левин говорит о своей к нему зависти, так как брат «живет не для себя. У него вся жизнь подчинена долгу» [Толстой 1970: 471]. В художественной форме Толстой воплотил то, о чем писал Страхову в большом философском письме от 30 ноября 1875 г.

Сопоставление последних частей романа и переписки Толстого со Страховым и рядом других корреспондентов приводит к вполне закономерному выводу, метко сформулированному Б.М. Эйхенбаумом: «Чем ближе к концу, тем фигура Левина становится все более автобиографической, а роман – все более похожим на страницы авторского дневника» [Эйхенбаум: 653]. Но в соотношении художественного и биографического начал в «Анне

Карениной» обращает на себя внимание один важный момент. В финальных строках повествования заметно меняется характер взаимоотношений героя и автора. Изучая страницы, посвященные мучительным метаниям Левина, исследователь закономерно идет от Толстого к художественному образу, поскольку рассуждения героя – это фактически цитаты из писем автора 1875–1877 гг.; но в главах, повествующих об обретении смысла жизни, специалист уже идет от героя к Толстому, поскольку ко времени окончания романа писатель был в поисках истины. Левин приходит к вере через нравственную идею о том, что нужно «не для нужд своих жить, а для бога» [Толстой 1970: 666]. Через эту мысль, заложенную христианским воспитанием, он воспринимает учение церкви, которое, по его мнению, не нарушало «веры в бога, в добро как единственное назначение человека» [Толстой 1970: 670]. На этом закончилась история Левина, но не Толстого, именно поэтому вслед за «Анной Карениной» выйдет «Исповедь» – следующий важный шаг в духовной эволюции автора. И в романе есть намеки на промежуточность тех выводов, к которым пришел герой. Его попытки объяснить странные для него положения в учении церкви (творение, дьявол, грех), нетерпимое отношение православия к другим религиям завершаются довольно шаткими объяснениями: «Но я ничего, ничего не знаю и не могу знать, как только то, что мне сказано вместе со всеми» [Толстой 1970: 670]. На этом примирился Левин, но на этом не мог остановиться Толстой, мысль которого работала с большой интенсивностью. В финале романа содержится и завуалированный конфликт Левина с классом, к которому он принадлежит по рождению и воспитанию: разрешение своим сомнениям он находит именно в словах мужика. В «Исповеди» Толстой уже категорически откажется от своего круга, ложно понимающего смысл жизни, и заявит о своем несогласии с церковным истолкованием учения Христа.

В романе есть предчувствие и будущего семейного разлада в доме Толстых. Личное счастье не дает уже полного забвения, Левин испытывает чувство какого-то неудовлетворения и неудовольствия при внешних счастливых условиях жизни. И источник этого чувства — в осознании неправильности своей жизни, сосредоточенной на личном счастье. Обращает на себя внимание, что Левин не стал рассказывать Кити об открывшейся ему истине: «Нет, не надо говорить <...> Это тайна, для меня одного нужная, важная и невыразимая словами» [Толстой 1970: 684].

Таким образом, Константин Левин проходит сложный путь познания жизни, приведший его к осмыслению себя как части большого мира. В судьбе героя «Анны Карениной», с одной стороны, раскрывается важнейшая страница из биографии Тол-

стого, который в скором времени решительнее, чем его герой, откажется от прежней жизни; с другой стороны, намечается общий путь человека, не умеющего найти успокоение в личном эгоистическом счастье и благополучии. И в этом суть толстовского творчества: объективная картина мира преломляется в субъективном восприятии автора, рождая сложный феномен эпического романа.

Список литературы

Апостолов Н.Н. Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. М.: Аграф, 2001. 752 с.

Бабаев Э.Г. Комментарии. «Анна Каренина» // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 9. 462 с.

Гудзий Н.К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М.: Худ. лит., 1960. 215 с.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 720 с.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 916 с.

Л.Н. Толстой — Н.Н. Страхов. Полн. собр. переписки: в 2 т. Группа славянских исследователей при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003. Т. 1. С. 1–488.

Островский А.Г. Молодой Толстой. В записях современников. М.: Аграф, 1999. 320 с.

Саводник В.Ф. «Анна Каренина». Примечания // Толстой Л.Н. Анна Каренина: В 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 1. 389 с.

Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М.: Худ. лит., 1978. Т. 1. 608 с.

Толстая С.А. Моя жизнь: в 2 т. М.: Кучково поле, 2011. Т. 1. 608 с.

Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 912 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное). М.; Л.: Худ. лит., 1928–1958.

Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

References

Apostolov N.N. *Zhivoj Tolstoj: Zhizn' L'va Nikolaevicha Tolstogo v vospominanijah i perepiske*

[Living Tolstoy: The Life of Leo Nikolaevich Tolstoy in Memoirs and Correspondence]. Moscow, Agraf Publ., 2001, 752 p. (In Russ.)

Babaev E.G. *Komentarii. "Anna Karenina"* [Comments. "Anna Karenina"]. *Tolstoj L.N. Sobr. soch.*: v 22 t [Collected works: in 22 vols.], Moscow, Hud. lit. Publ., 1982, vol. 9, 462 p. (In Russ.)

Gudzij N.K. *Lev Tolstoj: Kritiko-biograficheskij ocherk* [Leo Tolstoy: A Critical and Biographical Sketch]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1960, 215 p. (In Russ.)

Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1828 po 1855 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy: Materials for a biography from 1828 to 1855]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1954, 720 p. (In Russ.)

Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy: Materials for a biography from 1855 to 1869]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, 916 p. (In Russ.)

L.N. Tolstoj — N.N. Strahov. *Poln. sobr. perepiski: v 2 t* [L.N. Tolstoy – N.N. Strakhov. Complete collection of correspondence: in 2 vols.]. Grupa slavjanskih issledovatelej pri Ottavskom universitete i Gosudarstvennyj muzej L.N. Tolstogo Publ., 2003, vol. 1, pp. 1–488. (In Russ.)

Ostrovskij A.G. *Molodoj Tolstoj. V zapisjah sovremennikov* [Young Tolstoy. In the records of contemporaries]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 320 p. (In Russ.)

Savodnik V.F. *"Anna Karenina". Primechaniia* ["Anna Karenina". Notes]. *Tolstoj L.N. Anna Karenina: v 2 t* [Anna Karenina: in 2 vols.]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1928, vol. 1, 389 p. (In Russ.)

Tolstaja S.A. *Dnevniki: v 2 t* [Diaries: in 2 vols.]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1978, vol. 1, 608 p. (In Russ.)

Tolstaja S.A. *Moja zhizn': v 2 t* [My life: in 2 vols.]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011, vol. 1, 608 p. (In Russ.)

Tolstoj L.N. *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 912 p. (In Russ.)

Tolstoj L.N. *Poln. sobr. soch. v 90 t.* [Full collection of works in 90 vols.]. Moscow: Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Jejhenbaum B.M. *Lev Tolstoj. Issledovanija. Stat'i* [Lev Tolstoy. Research. Articles]. Saint Petersburg, Fakult'et filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, 952 p. (In Russ.)